

ное описание рукописей. Другая область — это изучение летописания и хронографов. Умение легко отличить в рукописях различные летописные своды, редакции этих сводов, редакции хронографов и пр. дается только в результате знания примет.

Надежнее всего те приметы, которые имеют не формальный характер, а связаны с определенными этапами в жизни памятника. Если приметы памятника, его редакции, извода, вида, группы не только внешне заметны, но и связаны с существенными моментами в истории возникновения данного памятника, редакции, извода, вида, группы, — то тем меньше опасности, что в дальнейшем они отпадут. К тому же их легче запомнить, ассоциируя их с историей памятника.

В начале работы, когда история памятника еще неясна для исследователя, эти приметы будут носить более или менее формальный характер (более или менее формальный характер будет носить и предварительная классификация списков памятника), а в дальнейшем, по мере уточнения истории текста, эти приметы будут все более и более тесно связаны с историей памятника (более историчной станет, как мы увидим ниже, и классификация списков).

Классификация текстов

Изучение любого древнеславянского памятника, при обычном отсутствии его авторского текста и наличия нескольких или многих списков, как правило, начинается с установления взаимоотношения всех известных его списков (говоря о списках, мы здесь и в дальнейшем будем иметь в виду не самый список, а его текст). Взаимоотношение же списков может быть изучено только на основании их классификации.

Классификации списков могут быть двух типов. Первый тип — по формальным, внешним признакам. Такая классификация в той или иной мере условна. Мы ее можем менять в зависимости от того, какое логическое основание избирается для классификации. В данном случае мы определяем только ту картину, которая предстоит перед нами на сегодня: устанавливаются группы списков, существующих в данный момент, имеющих в распоряжении исследователя.

Второй тип классификации опирается на историческое происхождение списков. Списки классифицируются по тому, как они исторически сложились, как они генеалогически соотносятся между собой. Эта система требует гипотетического восстановления всех утраченных звеньев. Такая классификация отнюдь не условна, она стремится дать реальную картину соотношения списков, исторически сложившуюся их группировку. В своем идеале она должна дать устойчивую классификацию, которую нельзя менять произвольно, но она во многих случаях (когда не хватает отдельных списков) не может быть последовательно проведена.

Итак, в первой классификации мы всегда достигаем цели: всегда можем классифицировать списки — какие бы они ни были и сколько бы их ни сохранилось. Но классификация эта условна и потому может произвольно заменяться другой. Во второй классификации мы в громадном большинстве случаев не достигаем конечной цели, вынуждены останавливаться на полпути или широко пользоваться гипотезами. Однако классификация эта имеет целью восстановление реальной картины истории текста и в большей или меньшей степени соответствует реальной картине истории текста.

Установление первой классификации списков несравненно легче второй, но только вторая классификация может дать объективную картину.

На первый взгляд может показаться, что оба типа классификации практически исключают друг друга, что в текстологической работе следует придерживаться только одного из этих типов классификации, решив, какой из них признать более правильным. Возникает соблазн решительно отвергнуть первую, формальную классификацию, объявив ее формалистической, увидев в ней проявление текстологического «формализма».

Против такого упрощенного подхода к вопросу классификации списков следует решительно возражать. Два этих типа классификации противостоят друг другу и одновременно находятся в живом взаимодействии. Классификация по формальным признакам — неизбежный этап в работе над рукописями. Только произведя предварительно формальную классификацию, можно от нее перейти к попыткам установления истории текста и, как результат этого установления, — к исторической классификации и публикации текста на основе этой последней.

Историческая классификация списков есть в известном роде уже результат изучения списков, но, чтобы добиться таких результатов, нужно уже в самом начале изучения списков как-то их классифицировать. Вот почему формальная классификация списков — предварительная, а историческая — окончательная.

Чтобы пояснить свою мысль, укажу, что аналогичное положение существует в биологической систематике. В этой науке вопросы классификации лучше разработаны, чем в филологии, и в известной мере более просты. Полезно поэтому учесть ее опыт.

Авторы книги «Методы и принципы зоологической систематики» Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер отмечают три задачи зоологической систематики и соответственно этим трем задачам три стадии работы систематика. Приведу их суждения с некоторыми сокращениями:

«1. **Определение (аналитическая стадия).** Основная задача систематика заключается в том, чтобы разбить почти безграничное и ошеломляющее разнообразие особей в природе на легко распознаваемые группы, выявить признаки, служащие диагностическими для этих групп, и установить постоянные различия между сходными группами. Кроме того, он должен снабдить эти группы "научными" названиями, что облегчит их последующее распознавание учеными по всему миру.

Даже эта "низшая" задача систематика имеет огромное научное значение. Вся геологическая хронология зависит от правильного определения ископаемых руководящих видов...

2. **Классификация (синтетическая стадия).** Определение и точное описание вида является первой задачей систематика. Но если бы он на этом остановился, ему вскоре пришлось бы столкнуться с хаотическим скоплением видовых описаний. Во избежание этого систематик должен стараться выработать какое-то упорядоченное расположение видов; он должен создать и определенным образом расположить высшие категории. Иными словами, он должен создать классификацию. В этом состоит вторая задача систематика. Создание определенной классификации представляет собой в известной мере столь же практическую задачу, как и определение отдельных особей, однако она требует большего теоретизирования и умозрений. Систематик должен решить, считать ли две сходные формы одним или двумя видами. Он должен также установить, обусловлено ли сходство каких-либо двух видов конвергенцией общего облика или же близким филогенетическим родством. А это влечет за собой вопрос о том, представляют ли собой высшие категории монофилетические группы или нет.

Мы перечислили некоторые из вопросов, встающих перед систематиком, который пытается привести в систему ошеломляющее множество организмов. Попытка решить эти вопросы неизбежно ведет к изучению факторов эволюции.

3. **Изучение видообразования и факторов эволюции.** Исследования в этой области составляют третью задачу систематика. Именно в этом он ближе всего соприкасается с другими областями биологии — с генетикой и цитологией, биогеографией и экологией, сравнительной анатомией и палеонтологией¹.

Далее те же авторы пишут: «Перечисленные выше три задачи систематик редко решает одновременно. Изучение эволюции невозможно без удовлетворительной классификации, а она, в свою очередь, требует предварительного определения и описания видов. Поэтому систематика какой-либо группы проходит несколько стадий, которые иногда называют альфа-, бета- и гамма-систематикой. **А л ь ф а - с и с т е м а т и к о й** называется стадия описания и именованя видов; **б е т а - с и с т е м а т и к о й** — объединение этих видов в естественную систему низших и высших категорий, а **г а м м а - с и с т е м а т и к о й** — анализ внутривидовой изменчивости и изучение эволюции. Четко разграничить эти три ступени систематики, строго говоря, невозможно, так как они перекрываются и переходят одна в другую. Однако направление каждой из них ясно. Биологически мыслящему систематику следует начинать с альфа-стадии, переходя через бета- к гамма-стадии. Одна-

¹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. С. 29–30.

ко даже в тех группах, систематика которых наиболее хорошо разработана, еще остается много работы в области альфа- и бета-систематики»¹.

Из приведенного совершенно ясно, что в области зоологической систематики формальная классификация и историческая классификация — это две стадии работы одного и того же исследователя. Исследователь начинает с формальной классификации и заканчивает свою работу установлением исторической классификации. Это идеальное положение и в области зоологической систематики, и в области «систематики списков», но практически в работе тех или иных ученых равновесие этих стадий работы постоянно нарушается и при этом односторонне — в виде предпочтения формальной классификации спискам исторической. Это предпочтение часто выступает как естественное следствие незавершенности работы над списками.

Характерно, что старая биологическая систематика ограничивалась формальной классификацией и только постепенно завоевывал себе подобающее место исторический принцип.

Отмечая различие между старой систематикой и новой, Э. Майр, Э. Линсли и Р. Юзингер подчеркивают, что старая систематика более формальна, новая — в большей мере зависит от реального происхождения видовых различий, она теснее связана с объяснением, это отнюдь уже не «чистое» описание. «У систематиков все более четко выявляется стремление подходить к своему материалу с точки зрения биолога, а не музейного каталогизатора. Современный систематик проявляет все больший интерес к обобщениям, для которых именованье и описание видов служат лишь первым шагом»².

«Старая систематика характеризовалась центральным положением в ней вида, понимаемого чисто типологически (монотипически), характеризованного только морфологически и в сущности лишенного объемности. Географической изменчивости придавалось очень небольшое значение. Многие виды были известны по одному или в лучшем случае — по нескольким экземплярам. Поэтому основную таксономическую единицу представлял собой индивидуум. Главное внимание уделялось узкоспециальным вопросам, т. е. вопросам номенклатуры, а также установлению и описанию "типов".

В новой систематике чисто морфологическое определение вида уступает место биологическому определению, в котором принимаются во внимание экологические, географические, генетические и тому подобные факторы. Популяция, представленная адекватной пробой из нее — «серией» музейного работника, — становится основной таксономической единицей. Таксономическая работа идет главным образом над подразделениями

¹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. С. 31.

² Там же. С. 26.

вида. Вопросы номенклатуры занимают подчиненное положение. Интересы систематики — это интересы биолога»¹.

Почти то же можем мы сказать и о систематике списков. Интересы систематики списков — это интересы литературоведа и историка, но положение это не сразу установилось в текстологии, и старая текстология XIX в. предпочитала формальную классификацию, не стремясь к исторической.

Постепенно это положение выправилось. По удачному выражению Н. К. Пиксанова, в текстологии «на место линнеевской систематики становится дарвиновское происхождение видов»².

Отличие биологической систематики от текстологической заключается, однако, в том, что в текстологии переход к исторической классификации не всегда возможен из-за недостаточности материала. Поэтому в большинстве случаев, как мы уже сказали выше, полная история текста не может быть установлена и возможны только известные приближения к ней. В этом последнем случае формальная классификация частично сохраняет силу и в уже завершенных работах.

Успех перехода от формальной классификации списков к исторической и к установлению истории текста в значительной степени зависит от того, как понимает исследователь историю текста. Остановимся на этом положении подробнее.

В текстологических введениях к публикациям древнеславянских памятников обычно отмечается, что в основу издания положен «лучший» список или «наиболее полный». Что, собственно, это означает? Для одних публикаторов «лучшим» будет наиболее древний список, для других — наиболее понятный в отдельных своих чтениях, для третьих — наиболее законченный художественно (композиционно, стилистически), для четвертых — самый полный и т. д. Чаще всего, объявляя издаваемый им список «лучшим», публикатор имеет в виду сразу несколько из перечисленных выше качеств, причем эти качества могут выступать в различных комбинациях, но каждый раз публикатор имеет в виду, что избираемые им качества списка являются неоспоримым свидетельством близости его текста к первоначальному, к авторскому. Тем самым текстолог как бы утверждает, что история текста — это его постепенная порча. При этом порча тем сильнее, предполагают некоторые текстологи, чем новее список.

Покажем ошибочность этих представлений.

Хорошо известно, например, что наиболее древний список может оказаться не самым древним по своему тексту. Так, например, исследователь «Домостроя» И. С. Некрасов ошибочно отождествлял древность списка с древностью представляемой им редакции³. Он доказывал, что Забелинский

¹ Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. С. 25.

² Н. К. Пиксанов. Творческая история «Горя от ума». М.; Л., 1928. С. 25.

³ И. Некрасов. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873. С. 136.

список «Домостроя» середины XVI в. содержит древнейшую редакцию, а Коншинский конца XVI в. — более молодую. На самом деле соотношение редакций «Домостроя», как теперь установлено, прямо противоположное¹. Сербские списки «Повести об Акире Премудром» 1468 и 1520 гг. старше сохранившихся древнерусских списков повести, хотя именно русская версия перевода была первичной². Аналогичные наблюдения над списками древнеславянского перевода книги Иисуса Навина были сделаны В. Лебедевым³, над списками древнеславянского перевода книги пророка Даниила — И. Евсеевым⁴, и т. д. Недопустимость смешения древности списка с древностью представляемого им текста стала настолько самоочевидной истиной, что нет необходимости ее особо доказывать⁵.

Исследователь, классифицирующий списки, должен прежде всего опираться на данные текста и только во вторую очередь принимать во внимание внешние особенности списка (древность самого списка, историю рукописи и пр.), последние имеют главным образом контрольное значение.

Ясность и «понятность» текста также может не совпадать с его древностью. То же самое следует сказать и о художественной стороне памятника. Полнота списка — также понятие относительное. Иногда то, что принимается исследователем за «полноту» произведения, является простым расширением первоначально краткого текста позднейшими вставками. Причем расширение вставками делается иногда настолько последовательно и в духе

¹ А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, книга вторая. М., 1910, гл. V.

² М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур. — Изв. ОРЯС РАН, 1921, т. XXVI. Пг., 1923. С. 195.

³ В. Лебедев. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской библии. СПб., 1890. С. 3–4.

⁴ И. Евсеев. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905. С. 4 и сл. — Говоря о несостоятельности английского издания Ветхого Завета Свита (H. Swete. The Old Testament in Greek according to the Septuagint, vol. III. Cambridge, 1894), выполненного только на основании древнейших списков, И. Евсеев справедливо замечает: «Оставляя совершенно в стороне подобное бесплодное чинопочитание древнейших списков, мы всецело становимся на сторону метода исторического анализа списков» (И. Евсеев. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе, ч. 2. СПб., 1897. С. 4).

⁵ Впрочем, до сих пор еще бывают случаи, когда исследователи смешивают старшинство текста со старшинством списка. Так, например, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Вильямс (H. F. Williams) в рецензии на издание О. Бломквистом «Roman des Deduis» («Gace de la Buigne») предлагает группировать списки изучаемого произведения по старшинству, предполагая, что список тем ближе к оригиналу, чем он старше («the earlier MSS can be considered as closer to the origine text»: журнал «Romance Philology», 1953–1954, VII. С. 239. Ср. возражение О. Бломквиста: Åke Blomqvist. Méthode nouvelle pour l'édition de textes médiévaux. — Studia neophilologica. A Journal of Germanic and Romance Philology, 1955, vol. XXVII. № 1).

всего произведения, что может ввести исследователя в заблуждение. Как пример такого искусного расширения текста вставками, приведу второй вид основной редакции *Б* цикла «Повести о Николе Заразском»¹, где дополнительно рассказывается о торжественных похоронах Евпатия в рязанском соборе, причем описание выдержано в характере описаний других погребений того же цикла, и где Евпатию придано отчество («Львович»), как и остальным действующим лицам «Повести о разорении Рязани Батыем». Как известно, имеются целые литературные жанры, для которых расширение вставками было характерной чертой их литературной истории (летописи, хронографы); еще бо́льшая группа произведений в XV–XVII вв. подвергалась стилистическому «распространению» и т. д.

На заре публикаторской деятельности обычно считалось, что «лучший» текст памятника дает сам автор, а переписчики только его портят, внося многочисленные ошибки, искажения и т. д. О каждом списке возникал вопрос: «хорош ли его текст, т. е. согласен ли он с подлинником автора?»². Критика текста поэтому сводилась главным образом к чисто логическому истолкованию текста, к розыскам наиболее ясных чтений в других списках или к различного рода догадкам, облегчающим понимание текста. Найденные этим путем чтения и считались авторскими, наиболее древними.

Отсюда получалась и другая особенность старых изданий памятников: публикаторов интересовал только авторский текст, текст наиболее древний, «ясный», «исправный» и «полный». Вся последующая жизнь памятника издателей не интересовала и из изданий исключалась.

Все это, конечно, чрезвычайно упрощало задачи издания памятников, и именно этим следует объяснить то обстоятельство, что практически в своей работе многие из публикаторов пользуются еще теми приемами, которые образовались именно в связи с такими представлениями о движении текста памятника.

В настоящее время история текста древнерусских памятников выступает перед нами в гораздо более сложном виде. Известны многочисленные случаи, когда переписчики и «редакторы» старых текстов улучшали текст памятника, исправляли его, изгоняли малопонятные слова или, напротив, архаизировали текст, придавали ему бо́льшую художественную законченность, сглаживали «швы». Считать, что во всех случаях автор создавал шедевр, а позднейшие переписчики и переделыватели только портили его — нет оснований.

Углубление научных представлений об истории текста памятника отчетливее всего сказалось в исследованиях А. А. Шахматова по летописанию. Такие сложные и громадные памятники, как летописи, не имеющие одного автора, не обладающие стилистическим единством, ценные во всех своих

¹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. Тексты. С. 322 и сл.

² «... si le texte de ce document est "bon", c'est-à-dire aussi conforme que possible au manuscrit autographe de l'auteur» (Ch.-V. Langlois, Ch. Seignobos. Introduction aux études historiques. Paris. 1899. P. 53).

видоизменениях, потребовали к себе более глубокого подхода, при котором восстановление истории их текста не могло опираться на немногочисленное количество внешних, формальных признаков (полнота, ясность текста, древность списка и т. д.). Ни заглавие летописи, ни ее начало или конец, ни отдельные разночтения не могли дать сколько-нибудь прочного основания даже для определения того, какой памятник представляет собой тот или иной летописный текст. Только изучение всей истории летописания позволило А. А. Шахматову определить отдельные памятники летописания и выделить, хотя в отдельных случаях и не во всем бесспорно, те списки, по которым следует издавать ту или иную летопись.

Действительно, исторический принцип является единственно научным принципом издания памятника, определения его редакций и основного списка. Именно этот принцип был перенесен с изучения памятников летописания на изучение всех остальных памятников древнеславянской письменности и привел к ряду крупных успехов в области текстологии.

Вместе с тем уже в работах А. А. Шахматова с достаточной полнотой определились все трудности последовательного проведения исторического принципа в изучении текста памятников. В громадном большинстве случаев оказывалось, что из-за недостатка данных последовательно довести исторический принцип изучения текста до всех звеньев его истории (всех редакций, всех видов, всех сохранившихся списков) невозможно. На помощь приходили два текстологических приема: либо гипотетическое восстановление (или хотя бы предположение только) утраченных звеньев, либо «нейтральная заделка» этих утраченных звеньев с помощью данных, которые могла представить формальная классификация списков. Оба эти приема широко применялись А. А. Шахматовым: гипотетическое восстановление преимущественно для начального летописания и «нейтральная заделка» утраченных мест — для летописания позднего. Вопрос остается и до сих пор открытым: какой из этих приемов и в каких случаях предпочтительнее. Пока что он решается текстологами по большей части интуитивно, причем опасность состоит в том, что текстологи предпочитают раньше времени «складывать оружие», возвращаясь от исторических построений к формальным или (что реже) гипотетическим, не завершив еще полностью своего исследования. Искусство А. А. Шахматова как текстолога заключалось в том, что он всеми силами стремился дать наиболее полное представление о всех этапах истории текста и прибегал к формальной классификации списков или к гипотезам только тогда, когда все доступные ему способы исторической классификации бывали уже исчерпаны.

Классифицируя списки, мы должны постоянно отдавать себе отчет, в какой мере тот или иной внешний признак может при дальнейшем исследовании предоставлять данные для решения вопроса о движении текста.

Приступая к классификации текстов, полезно прежде всего обратить внимание на внешние для текста особенности списков: на их хронологию, принадлежность к одному скрипторию (например, к Соловецкому, Иосифо-Волоколамского монастыря и т. п.), на наличие в списках сходных предисловий, на сходство в иллюстрациях (если они есть), на состав сборников, в которые эти списки включены (близость сборников по составу может свидетельствовать о близости текста включенного в них изучаемого произведения) и т. п. Все эти внешние для текста признаки помогут выбрать правильно тексты для сличения, приблизительно установить их сходство, что очень важно для экономии труда исследователя.

В текстологической работе внешние признаки являются по большей части «наводящими». Установить какие-либо точные, закономерные соответствия между отдельными внешними (формальными) особенностями текста и его историей чрезвычайно трудно.

В частности, следует обратить внимание на те случаи, когда признаки древности текста лежат в различных областях и между собою расходятся. Так, например, текст по языку может быть древнейшим, но состав списка может оказаться сильно поновленным и, напротив, древний состав может соединяться со значительными изменениями в языке, в стиле, в отдельных выражениях. Наконец, могут быть и такие положения: тип текста в одном списке древнее, чем в другом, но он включает в себе больше отдельных искажений, чем другой, в котором отдельные чтения более «правильны», так как он подвергся редакционному весьма умелому «распространению». Какому тексту в этом случае следует отдать предпочтение?

В дальнейшем мы остановимся более подробно на том, какие трудности возникают при определении истории текста памятника, на основе которой должна производиться классификация его списков.

Подводя некоторые итоги всему сказанному выше, отметим, что исторический принцип в классификации списков изучаемого произведения не может быть противопоставлен формальному. Принципы эти отнюдь не исключают друг друга. Формальная классификация — отправная точка текстологического исследования; историческая — один из ее конечных результатов. Устанавливая формальные основания классификации, исследователь стремится выбрать такие, которые в последующем исследовании позволили бы легко перейти к исторической классификации, которые имели бы наибольшее эвристическое значение. Между формальной и исторической классификациями в процессе текстологической работы возникают промежуточные этапы. Историческая классификация рождается на основе полного изучения истории текста, всей его рукописной традиции, рукописного окружения, литературной судьбы памятника и т. д. Точное осознание задач той и другой классификации и их взаимоотношения значительно облегчают работу текстолога, изучающего памятники, дошедшие до нас в большом количестве списков.

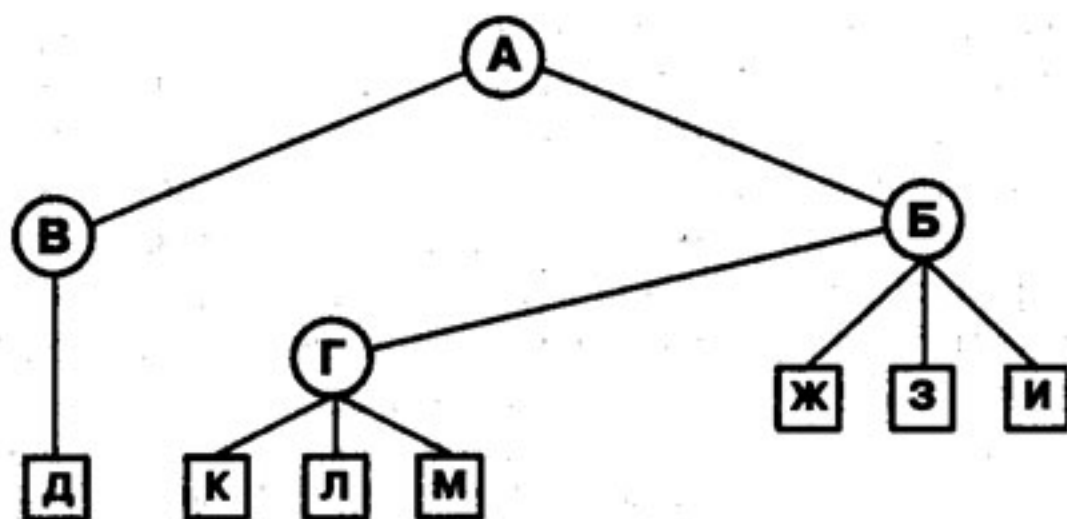
Задача текстолога — развернуть во времени списки произведения, найти между ними последовательность. Для этого как предварительный этап работы в отдельных случаях может служить классификация их по внешним признакам.

Определение взаимоотношения списков

Если отдельные чтения одного списка старше, чем отдельные чтения другого, — значит ли это, что и самый текст первого списка старше второго? Прямого перехода от старшинства отдельного чтения к старшинству списка нет. Только при определенных условиях разночтения свидетельствуют о взаимоотношениях списков.

Прежде всего обратим внимание на то, что для установления зависимости одного текста от другого или старшинства одного текста сравнительно с другим необходимо принимать во внимание совокупность всех разночтений в целом.

Вместе с тем если большинство списков имеет определенный состав чтений, то это еще отнюдь не значит, что именно этот состав чтений наиболее близок авторскому. Большинство списков может давать единое, но ошибочное и позднейшее чтение. Объясним это на примере следующей стеммы:

В прямоугольниках отмечены дошедшие списки; в кругах — предполагаемые недошедшие архетипы. Списки, восходящие к архетипу *Б* непосредственно или через архетип списков *К, Л и М—Г*, содержат единое ошибочное чтение, восходящее к *Б*. Список *Д* восходит к авторскому тексту *А* через недошедшую редакцию *В*; здесь читается правильное чтение, и это правильное чтение в единственном списке противостоит неправильному чтению в списках *Ж, З, И, К, Л и М*.

Из этого примера следует, что простой количественный подсчет разночтений ничего не дает. «Индивидуальные» (т. е. чтения, встречающиеся только в одном списке) могут оказаться наиболее древними, а чтения, представленные большинством списков, — относительно новыми.